

18+

Малена Вильна
Под пеплом тлеющие угли

По мотивам романа «Три мушкетёра» Александра Дюма-отца

Малена Вильна

Под пеплом тлеющие угли.

По мотивам романа

«Три мушкетёра»

Александра Дюма-отца

«Издательские решения»

Вильна М.

Под пеплом тлеющие угли. По мотивам романа «Три мушкетёра»
Александра Дюма-отца / М. Вильна — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858149-6

Миледи спаслась, обольстив и убив палача, и находится в розыске по всей Франции — Ришелье намерен устранить неудобного для него человека. Вместе с дочерью Жанной она скитается по стране, но всё же устаёт от кочевой жизни. Руку помощи ей протягивает тот, от кого она ждала этого меньше всего

ISBN 978-5-44-858149-6

© Вильна М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Беглянки	6
Глава 1. Горький хлеб. Воспоминания	8
Глава 2. Берри	13
Глава 3. Незваные гости	16
Глава 4. Граф де Ла Фер у себя дома	21
Глава 5. Перед лицом грядущего	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Под пеплом тлеющие угли По мотивам романа «Три мушкетёра» Александра Дюма-отца

Малена Вильна

Иллюстратор ZorroGold Fox

Редактор Наталья Баева

Корректор Вадим Зас-Ухин

Моральная поддержка и соавтор четвёртой главы Виктория Комова

Моральная поддержка и корректор Дана Канра

© Малена Вильна, 2024

© ZorroGold Fox, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4485-8149-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Беглянки

Декабрь, 1629 год

Порывистый сильный ветер трепал ветви вековых деревьев, срывая с них пожухлую листву, вернее – что от неё оставалось. Свинцово-серые тучи заволакивали ясное голубое небо, заслоняя негреющее зимнее солнце.

Сквозь лесную чащу, погоняя коня чёрной масти, стрелой нёсся путник с сидящим впереди него ребёнком, закутанный в широкий чёрный плащ, до боли в костяшках пальцев вцепившись в поводья, словно спасаясь бегством от кого-то или чего-то.

Поглядев на их одеяния, можно было предположить, что всадники принадлежат к знати, несмотря на истрёпанный вид их одежд. С двух сторон к седлу были привязаны сумки, служившие вместилищем для того небольшого из личного имущества, что у владельцев осталось...

Резкий ледяной ветер, пробирающий до самых костей, дул всадникам в лицо, заставляя щуриться от колючей пыли, летящей в глаза. Декабрь – первый месяц зимы, обещающей в этом году быть на редкость холодной, не замедлил вступить в свои права.

– Брр! Ну и стужа! – с обветренных губ взрослого всадника впервые за долгое время сорвалось восклицание, разбудившее задремавшего ребёнка, и недовольно фыркнувший конь словно вторил своему хозяину, а изо рта и ноздрей животного повалил пар.

– Скажи, мы ведь уже приехали? – послышался тоненький детский голосок и клацанье зубов от холода. – Это Берри?

– Да, радость моя, – ответил старший собеседник ребёнку. – Мы в Берри. Здесь люди кардинала не станут нас искать.

– Когда мы уже приедем к твоему старому знакомому в замок?

– Совсем немного, потерпи, мой котёнок...

– Но сколько ещё так терпеть? Мне очень холодно, руки и ноги озябли, а ещё страшно... – усталый голос ребёнка сорвался и дрогнул. – Когда приедем уже? Когда? Когда? – звучал надрывно один и тот же вопрос, мучительным набатом отдаваясь в ушах старшего наездника.

– Всего полчаса езды ты можешь потерпеть? – зазвенели в голосе старшего нотки раздражения, но потом, словно желая загладить вину за невольную резкость, он добавил: – Всё будет хорошо, скоро мы с тобой будем в тепле и уюте, не унывай...

Ребёнок, смутившись, примолк и ещё крепче прижался к своему спутнику. Даже свист и вой ветра был не в силах нарушить повисшего между ними неловкого и тяжёлого молчания...

Стемнело. Недолгий зимний день отступил перед сгущающимися сумерками. Тучи, затянувшие небо, из свинцово-серых стали чёрными. Рёву ветра вторили тревожное уханье сов и редкое карканье ворон. По сторонам дороги слышались какие-то завывания, заставляя взрослого всадника сильнее подгонять коня, чтобы скорее выбраться из этого леса, словно зловеще намекающего чужакам, что им здесь явно не рады.

Лишь с наступлением глубокой ночи усталые путники, взрослый человек и закутанное в плащ с ног до головы дитя, оба измученные трудной дорогой – как и их конь, выехали к какой-то заброшенной и поросшей мхом хижине на окраине леса. Даже пристройки для хлева там не было, поэтому коня путешественники решили оставить ночевать в хижине, а не на холоде, снаружи. В левом углу комнаты ребёнок приметил некогда заброшенный очаг и развёл огонь с помощью огнива и сухой соломы, забытой кем-то рядом, в котором сейчас горел огонь, заставляя мороз в помещении постепенно отступать.

Юный путник и его старший сопровождающий отвязали сумки от седла, сложив их рядом с кучей старой соломы. Съев три морковки, предложенные ребёнком, конь, довольно фыркнув, и потёршись головой о плечо поднёсшего ему столь вкусное угощение, задремал прямо у сенной кучи, иногда продолжая довольно пофыркивать во сне.

– Слава Богу, хоть несколько часов покоя! – воскликнул старший всадник облегчённо. Он откинул с головы капюшон плаща, снял берет и взлохматил чёрные волосы, остриженные до ушей. Прямая чёлка, закрывающая брови, неприятно липла к вспотевшему лбу.

– Мамочка, – подало голос дитя, – теперь-то мне можно не называть тебя папой и не делать вид, что я мальчик?

– Можно, Жанна, но только наедине. Запомни, на людях я снова твой отец Бертран де Шазей, а ты – мой сын Матье.

– Одному Богу ведомо, как надоел мне весь этот маскарад! Полтора года – если не больше – скитаний по всем городам Франции, скрываясь от ищеек красного герцога! – надрывно воскликнула девочка, в свою очередь тоже сняв капюшон и берет с головы, запустив тонкие пальчики в свои чёрные волосы, достающие до подбородка.

– Подумать только, Жанна, – обращалась женщина не столько к своей дочери, прелестной кареглазой девочке десяти лет, сколько к самой себе, – объявить меня в розыск как государственную преступницу, переметнувшуюся на сторону англичан! Меня, – она прижала к груди правую руку, – которая много лет была глубоко преданна Его Высокопреосвященству и короне! – алая краска праведного негодования покрыла ранее бледное лицо дамы.

Она и была молодой красивой женщиной, хотя прежний вид шпионской деятельности и перенесённые тяготы отметили её живое лицо печатью смертельной усталости от жизни. Её ставшие впалыми щёки, казалось, запылали огнём. Этим же огнём зажглись её запавшие голубые глаза, под которыми обозначались тёмные круги.

– Мамочка, – Жанна пристроилась под боком у молодой женщины, прилёгшей на сене, почти под самой мордой коня, – но ведь эти обвинения к тебе никоим образом не относятся! – с искренней горячностью возразила девочка. – Ты никогда кардинала не обманывала, всегда верно служила Франции, как истинная патриотка. Ты была преданна Его Высокопреосвященству и своей родине...

– Да, только родина, в лице Его Высокопреосвященства, предала меня, – буркнула с ядовитой издёвкой и затаённой в голосе скорбью молодая женщина, прижав к себе дочурку и накрывая её полой своего плаща. – Доброй ночи, Жанна, – пожелала она, смягчившись. – Спи, моя родная...

– И тебе приятных снов, матушка, – пожелала девочка засыпающей маме, коснувшись губами её лба, как сама Анна часто делала, укладывая её спать.

Вскоре две беглянки, мать и дочь, забылись долгим сном, охраняемые от непогоды крышей и стенами хижины, и от возможных недоброжелателей – плотно закрытой на засов дверь. А за успешными заиндеветь окнами хижины буйствовала вьюга, заметая снегом и без того едва заметные тропинки...

Глава 1. Горький хлеб. Воспоминания

POV Миледи

Увы, слишком рано моя дочь узнала обратную сторону жизни за всё то время, что мы скрывались от ищеек моего бывшего покровителя кардинала Ришелье, едва ли не по всей Франции. Слишком рано Жанне пришлось взрослеть и учиться самостоятельности. Боже, ей же всего десять лет – в марте будет одиннадцать... Совсем ещё дитя, наивная и беззащитная, доверчивая... Что хорошего она видела за эти полтора года? Моя бедная девочка, столько свалилось на её плечи. Каждый день жить в постоянном страхе, что нас могут выследить и отправить меня гнить в один из «каменных мешков» Бастилии... Что бы тогда стало с Жанной, плотью от плоти и кровью от крови моей? Никогда я не тешила себя пустыми иллюзиями, что мои нынешние враги сохранят жизнь моему ребёнку. В лучшем случае Жанна окажется на улице, предоставленная сама себе, а то и заточённой в монастыре, пока смерть не прибьёт её к рукам. В худшем – моя дочь окажется со мной в Бастилии за компанию, где уже мы будем гнить живьём вместе. Ничего не скажешь, прекрасный способ устранить с дороги меня и мою дочь, которая может оказаться неудобным свидетелем, есть у моих врагов. Кто вспомнит о некоей миледи Винтер и её дочери, томящихся в тюрьме, где они будут влачить своё дальнейшее существование, ожидая своей смерти? А то и вообще моя Жанна могла бы стать кормом для рыб в Сене.

Увы, эти мысли часто находили своё воплощение в моих кошмарных снах, неотступно терзающих меня. Всё, что я успела в спешке прихватить с собой из моих и дочкиных вещей и драгоценностей, я сумела обратить в деньги у ростовщиков. Пока у меня и Жанны были деньги, мы ещё могли позволить себе останавливаться в хороших гостиницах. Мы могли позволить себе вкусные яства. Каждый день я и Жанна имели средства, а значит, и возможность покупать множество сладостей, так любимых ею. Но, едва возникало хоть малейшее подозрение, что люди красного герцога выследили нас, мне и моему ребёнку приходилось спешно уезжать в другой город, собрав все наши пожитки. Менг, Бурж, Тарбе и Руан. Льеж, Лион, Динан и Тулуза. Нанси, Бордо, Нант и Невер, Монпелье, Дижон. Гент, Каркассон и Орлеан. Всех городов, где мне и Жанне доводилось останавливаться, не вспомнишь...

Сложно сказать, в каком из городов я и Жанна жили хотя бы дольше двух месяцев. Как цыгане, мы были вынуждены постоянно переезжать с места на место.

Решено: больше мне дорогие украшения и отделанная аметистами шкатулка, вмещающая их, не пригодятся. Как и не пригодятся мне больше мои немногие шикарные платья с золотым и серебряным шитьём и отделанные драгоценными камнями, в которых я когда-то блистала на балах в Лувре и Вестминстерском дворце. Нет мне больше никакого проку в чулках, корсажах, пеньюарах и с перчатками. Только одежду Жанны и коня я не заложила; и свой золотой медальон в виде сердца, подаренный мне моим первым мужем графом де Ла Фер в день свадьбы, и подарком я этим очень дорожила, как напоминанием о мимолётном счастье, оставившем после себя лишь горький пепел сожалений и порушенные надежды... Но золото в моём кошельке имело очень неприятное свойство заканчиваться. Таять на глазах, образно говоря, если угодно, безвозвратно.

По мере того, как денежные средства истощались, удобств, которые я и Жанна могли себе позволить, становилось всё меньше. Просторным и большим комнатам приличных гостиниц Франции пришли на смену дешёвые харчевни и таверны... Где мы могли позволить себе убогую комнатку на чердаке с одной-единственной кроватью. Даже на дровах для камина приходилось экономить, поэтому я и Жанна спали в обнимку на одной кровати, не снимая верхней одежды – от холода спасало.

***

Истинный страх перед жизнью я ощутила лишь тогда, когда осталась с малолетним ребёнком одна, без заступничества сильных покровителей, столкнувшись с трудностями лицом к лицу. И нет рядом надёжного, сильного и верного плеча, на которое можно опереться. Не у кого искать защиты.

Двери дома Рошфора, всегда не дававшего мне проходу и расточающего комплименты (в пору моей службы у кардинала), тоже оказались закрыты для меня... Но даже из этого я вынесла урок для себя, что мужчина, по-настоящему любящий женщину, никогда не оставит возлюбленную даже в самые тяжёлые дни её жизни.

Раз сто, если не больше, спустя десять месяцев, я успела пожалеть о своей расточительности в самом начале странствий, проклиная себя за свою глупость. Ни единого су за душой не осталось, хоть относительно себя самой я придерживалась строгой экономии.

– Мамочка, что же теперь нам делать? – спросила тогда меня Жанна со смирением и скорбью. – Милостыню на церковной паперти просить? – в карих глазах девочки читались страх, стыд и отвращение, присущие детям, ранее не знавшим нужды, но впервые столкнувшимися с ней.

– Никогда этого не будет, никогда! – страстно пообещала я самой себе и своему ребёнку.

– Но где нам достать денег? – задала вопрос дочурка. – Есть же надо на что-то...

– Что же, продам что-нибудь из своего... Эта фраза стала подобно подписанному приговору для немногих ещё не до конца распроданных моих украшений.

Раз нет денег и моих личных вещей, за которые можно было бы выручить золото или серебро, придётся продавать то, что осталось ещё при мне – поскольку не осталось больше вещей, которые я спешно захватила из особняка в Париже, куда приезжала за Жанной.

– Что бы ещё продать? – размышляла я вполголоса, бродя по рынку Дижона с Жанной, которая с аппетитом уплетала купленные сливы, делясь ими со мной. – Надо же, как у меня волосы отросли, – протянула я задумчиво, пропуская сквозь пальцы вьющиеся, длинные и густые пряди своих светло-золотистых волос. – Точно... Волосы... – повторяла я эти слова шепотком, будто заклинание. – У меня ведь есть очень красивые волосы...

Решение созрело мгновенно, едва мысль о волосах озарила мою голову. В тот же день я оставила Жанну под присмотром старенькой трактирщицы, у которой снимала комнату, и нанесла визит цирюльнику на улице Ляссе.

Торговалась чуть ли не с пеной у рта, но свои заветные тридцать эю серебром за волосы выручила, прикупив также красящую настойку на травах для придания волосам чёрного цвета. Всё, нет больше у миледи Винтер – у меня, то есть, прекрасных золотых волос. У цирюльника с улицы Ляссе спросите, который потом меня в чёрный красил. Всю дорогу до трактира я утешала себя, что даже с чёрными волосами и стриженная под мальчишку, всё ещё красива. У меня по-прежнему стройная и гибкая фигура с соблазнительными изгибами. Те же нежные и точёные черты лица. Огромные голубые глаза, обрамляемые густыми и длинными ресницами, не лишены былой притягательности для тех, кому случится в них заглянуть. Я не разучилась околдовывать голосом, подобно сиренам, и языком своего тела.

По мере моего приближения к трактиру уже не так грызла мысль, что, продав волосы, я лишилась былой красоты.

«Зато моя дочь не будет голодать и стоять с протянутой рукой на церковной паперти, не будет мёрзнуть в холода босая и полураздетая. Я купила ей временное благополучие своими волосами». – Не стесняясь радостной, ликующей улыбкой на поблёкших губах, я возвращалась в трактир, гордо неся свою сокрытую чепцом остриженную голову, и смеялась. Ёжик окрашенных чёрных волос – всё, что осталось от моей великолепной золотой шевелюры, тем не менее, я была счастлива от одной только мысли, что Жанна не будет терпеть лишения, не будет сидеть голодом.

Но большое потрясение ждало меня, едва я переступила порог комнаты в трактире, которую занимала с дочерью.

– Как я тебе, мамочка? Красивая, правда? – спрашивала Жанна, крутясь волчком передо мной.

– Господи... – только и выдавила из себя. – Жанна, доченька, – прошептала я, опустившись на колени и пропуская сквозь пальцы золотистые волосы дочери, теперь достающие ей лишь до подбородка. А раньше у неё были такие кудри, спускающиеся ниже спины!

– Теперь я вполне могла бы сойти за мальчика? – не уставала осыпать меня вопросами Жанна, улыбаясь. – Дочь моя, не довершай удара, – только и смогла я простонать подавленно.

– Что ж ты со своими волосами сделала?

– Остригла и продала, – сообщила мне девочка таким тоном, словно речь шла о чём-то обыденном. – Даже, представь себе, выручила тридцать серебряников! – достав из кармана камзола горсть монет, Жанна, с лицом, выражающим довольство собой, пересчитала их и убрала обратно в карман. – О! – воскликнула она, выхватив из моих рук бутылку с настойкой. – Перекрась и меня в чёрный цвет тоже.

«Жанна, моя родная, ладно я, но свои волосы ты зачем продала? Зачем, Жанна?» – хотелось мне выкрикнуть эти мысли, подавляя в себе желание плакать.

– До хрипоты и пены у рта с цирюльником, этим старым и жадным чёртом препиралась, но своих тридцати экю серебром добилась, – продолжала Жанна хвастаться.

И это в то время, когда мне хочется головой о стены убиться! Этот старикашка и моей дочери волосы обкромсал! Хотелось отругать эту своевольницу за то, что она сделала, но сил и желания читать сентенции у меня уже не осталось. Толку от того, что я накричу на ребёнка? Даже если бы я и пошла с цирюльником разбираться, это бы всё равно ничего не дало. Обратно волосы Жанне никак не приделаешь.

– Глупышка ты мамина, вот кто, – этим и ограничилась вместо тирады. Никогда не умела обрушивать на голову своего ребёнка гневные отповеди. Никогда Жанну не наказывала. Могла ей что-то запретить или пристыдить без тени гнева, но чтобы я её била... У меня рука скорее отсохнет. Ничего теперь не поделаешь, не исправишь. Пришлось красить волосы Жанны в чёрный цвет.

***

Но и в Дижоне нам пожить дольше двух месяцев не довелось. С каким-то завидным постоянством ищейки Ришелье всегда умудрялись меня выследить или кто-то сребролюбивый умудрялся меня сдать! Снова мне и Жанне спешно собирать вещи, пускаться в бега... Снова скитаться по дорогам родной Франции... Тех денег, вырученных за наши волосы и мою дамскую одежду с украшениями, едва ли хватило на три месяца, и это ещё при том, что я и ела-то один раз в день – на одной воде и хлебе с сыром сидела!

И вновь безденежье, угроза полуголодного существования. Один мужской костюм и платье, больше приличествующее крестьянке...

Золотой медальон на тонкой цепочке, где спрятана прядь волос и миниатюрный портрет моего ребёнка... Моя честь... Что-то из этого всё равно придётся продать.

Но потом я поразмыслила и пришла к благоразумным выводам: одежда мне ещё понадобится; медальон, подаренный мне Оливье, ни за что не продам, как и свою честь, вернее то, что от неё осталось. О том, чтобы продать одежды Жанны и её коня Марса, даже речи быть не может – своё дитя я обделять не намерена.

Милостыню на церковной паперти просить с протянутой рукой в мои планы не входило, а деньги на оплату питания и проживания в харчевнях никогда лишними не бывают. Но вопрос «*Что бы ещё продать?*» недолго меня мучил.

Ребёнка и саму себя прокормить надо. До торговли своим телом на улицах или в борделе не стану опускаться ни за что в жизни... Я нашла выход, продавая свой труд прислуги чуть ли

не в каждой гостинице, таверне и харчевне, где мы останавливались. Платили мне, по сравнению с бывшим моим жалованьем, мизерные крохи. Ну, хоть деньги эти заработаны честным трудом, на оплату проживания и еду хватает.

Иногда постояльцы щедро угощали Жанну всевозможными сладостями и фруктами, которыми она бескорыстно делилась со мной. Работать мне приходилось много, с раннего утра и до поздней ночи.

Пришлось даже ускоренно осваивать ремесло кухарки, горничной и прачки, посудомойки. Ни минуты спокойной во всей этой суматохе не найти, чтобы присесть и поразмыслить о том крахе, увенчавшем мою прежнюю обеспеченную и блестящую жизнь. Каждый день вставать ни свет, ни заря.

Готовить на кухне, мыть посуду и полы, стирать... Выслушивать частые упрёки кастелянш, ведающих бельём, будучи распекаемой по малейшему поводу и без такового. Приходилось часто таскать воду в вёдрах из рек и ближайших колодцев, не имело значения время года и погода на улице... Первое время руки и спина сильно болели, не привычна была я такие тяжести таскать, но вскоре привыкла и к этому.

Как-то раз, прибирая комнату в одной из дорогих гостиниц, куда я нанималась горничной, мне случилось украдкой взглянуть на себя в зеркало, что меня ужаснуло. От постоянных недосыпаний под моими глазами обозначились тёмные круги. Лицо побледнело и осунулось, а нос и скулы с подбородком заострились.

Губы побелели, потеряв свой здоровый нежно-розовый цвет. Отрастающие волосы уже тронула седина, поэтому мне приходилось продолжать красить их в чёрный. По мере того, как волосы становились длиннее, я и Жанна коротко стригли их и закрашивали отросшие светлые корни. Чем короче длина волос, тем меньше расходы, связанные с уходом за ними. Меньше уходит воды на то, чтобы их вымыть, и когда работаешь, не мешаются.

Морщинки в уголках глаз, губ и на лбу прибавляли к моим двадцати семи годам лишних пять. Руки с вздувшимися венами, ставшие сухими и шершавыми, успевшие привыкнуть к грубой половой тряпке, когда-то привычные к бархату и шелкам, перестали быть такими белыми и нежными, как раньше.

Как можно сохранить мягкость и белизну рук, с утра до ночи натирая тряпкой полы чуть ли не до зеркального блеска, вкалывая на кухне и убирая комнаты, стирая вручную чужие одежды с постельным бельём и таская два тяжёлых ведра с водой? Никак не сохранить? Вот и я даже не пыталась.

Единственный плюс метаморфозы моего внешнего облика заключался в том, что от одного моего вида мужчины шарахались в сторону и не делали попыток навязчиво ухаживать за мной. Шашней-то мне как раз и не хватало для полного счастья и в том положении, в котором я пребываю сейчас, да и каторжная работа не отнимает у меня нисколько личного времени.

Это же сущие пустяки: перестирать и перегладить, а потом и накрахмалить всё белье; приготовить еды, помыть полы на всех этажах и во всех помещениях, воды из колодца натаскать вёдер так п-дцать, всю посуду перемыть.

Это всё мои выдумки про отсутствие свободного времени, чтобы нежеланных поклонников отшивать – я же привередливая и высокомерная тварь, чёрт возьми! Прекрасно. Чем меньше внимания к моей скромной персоне, тем лучше.

Всё же из той данности, что сильно подурнела, я научилась извлекать свою выгоду. Не нужно опасаться домогательств с изнасилованием в погребе или в каморке под лестницей. Господи, какие домогательства, какое насилие? Какой мужчина восплает страстью к женщине, похожей на ходячий труп?

«Зато не проститутка – под забором с проваленным носом от сифилиса с чахоткой не подыхаю как собака, и дочь не попрошайка – босая в обносках не ходит и не голодает! Находится при мне, а не в монастыре или в приюте! Да и по кабакам сама не пьянствую, зачастую пьянство является верным спутником проституции...» – утешала я себя этой упрямой мыслью, чтобы не так грызла горькая обида.

Кто на меня такую в здравом уме и даже на пьяную голову позарится? Тошная, бледная и с тёмными кругами под ставшими тусклее глазами, да к тому же изрядно смахивающая на Смерть с косой и коротко стриженная.

М-да, моим-то видом можно не только детей пугать, но и гвардейцев кардинала с королевскими мушкетёрами, за компанию с врагами французской короны.

Но мне придавала силы мысль, что я живу честным трудом, этой великой милостью неба!

Пусть я снова бедна и вновь оказалась на самом дне, чего всегда страшно боялась, но не опустила до торговли своим телом. Я не ушла с головой в грязь и разврат, не осквернила чистых и не омрачённых идеалов дочери. Я сделала всё, чтобы Жанне не пришлось наблюдать падение её матери!

Моя девочка – самая главная для меня драгоценность, всё ведь видит и, к моему прискорбию, понимает... Жанна – единственный повод для тщеславия, оставшийся у меня, но уже святого... Только бы дожить до того дня, когда она вырастет и создаст семью!

Отзывчивая Жанна девочка, и сердце у неё доброе, нежное, равнодушное к чужому горю. Было как-то раз, упала я от смертельной усталости на колени, прямо посреди кухни с недомытым полом – и с места не двигаюсь, хоть порази меня на этом самом месте молния.

– Матушка, иди, поспи, – нежно шептала мне на ухо Жанна, касаясь своими мягкими ладошками моих плеч. Недетскую теплоту излучают в такие моменты её ясные карие глаза. – Я тут вместо тебя управлюсь, ты должна отдохнуть.

– Смеёшься? – возражала я ей убитым голосом, всё равно не в силах сдержать грустного сарказма. – Мне ещё общий зал и двадцать комнат в порядок приводить.

– Без тебя всё сама в порядок приведу! – с этими словами дочь отбирала у меня тряпку, окуная её в ведро, и принявшись с особым рвением отмывать полы. – Увижу, что ты не спишь, а спину тут надрываешь – рассержусь, и тебе это не понравится! – хмурилась девочка, строго глядя на меня своими карими глазами.

– Ты так полы моешь, будто уже делала это раньше, – замечала я недовольно.

– Ага, пока ты не видела. Я и посуду мыть умею, готовить, стирать, – отвечала Жанна безразличным тоном.

– Что?! Как?... Жанна... – потеряла я дар речи.

Так вот, почему я всё успевала и до сих пор меня вперёд ногами не вынесли... Оказывается, Жанна тайком помогала мне в работе, чтобы мне было не так тяжело, а ведь именно от этого я хотела её оградить.

Я всегда хотела, чтобы детство моего ребёнка было счастливым и не омрачённым, но разве волнует Всевышнего судьба маленькой, ни в чём неповинной девочки, с её матерью? Матерью, виноватой лишь в том, что она была слишком сильно преданна людям, выбросившим её, как выбрасывают дети старых и надоевших кукол?..

Тогда я стала трудиться за троих, только бы на долю Жанны доставалось меньше работы. Никогда бы не подумала, что служба у кардинала Ришелье не убила во мне способности, много лет скрытой, честно зарабатывать себе на жизнь.

Трудно было, но я справлялась. Я жива, верёвка десять с лишним лет назад не задушила меня, и палачу мне удалось помешать осуществить задуманное им. Пусть я лишилась былого могущества и богатства, но у меня есть моя дочь Жанна, а уж она дороже мне всех богатств мира, и ради неё я в силах вынести что угодно...

Глава 2. Берри

POV Миледи.

Прospала я, наверное, до полудня, точно сказать всё равно не могу. Впервые выпалась за эти полтора с лишним года по-человечески! Попыталась перевернуться на другой бок, но движение отозвалось ноющей болью по всему телу. Кое-как мне удалось сесть, разминая затёкшие руки и ноги после сна на охапке сена. Потянувшись и зевнув, я с трудом разлепила опухшие веки и огляделась по сторонам. Около зажжённого очага, скармливая нашему коню Марсу добытую где-то капусту, спиной ко мне стояла Жанна.

На огне, как я уже успела догадаться по булькающему звуку, что-то закипало в кастрюле. Значит, Жанна встала гораздо раньше меня. Вот только где она взяла продукты? Как мне помнится, у нас только морковь из провизии и оставалась, когда мы прибыли в Берри. Не без усилий поднявшись с пола на ноги, словно они стали ватными, я критически оглядела свою одежду, потрёпанную временем и долгими дорогами. Несколько верхних пуговиц на бархатном камзоле оторваны, ткань кое-где протёрлась. Скоро придётся класть заплатки. Пока что сапоги не «просят каши», и штаны... Полгода ещё послужат. Отряхнув приставшую к одежде пыль вместе с сеном, я подошла к Жанне, ласково поглаживающей коня по холке, и обняла её.

– Мамочка, так ты проснулась? – девчушка прервала своё занятие, потрепав напоследок довольно заржавшего Марса. – Что же ты молчала?

– Жанна, что там, на огне готовится? – любопытствовала я.

– Суп из курятины и овощей. Даже молоко раздобыла и посуду. – Карие глаза Жанны гордо блестели.

– Где ты всё только достала? – удивлялась я, обводя взглядом убогое убранство хижины.

Только сейчас заметила некое подобие стола, представляющего собой доску, держущуюся на кирпичках, расставленных квадратом. От двух чашек, стоящих на доске, исходил пар. Рядом – две глубокие тарелки и ложки, даже хлеб есть!

– В деревне, матушка. Сказала, что мой папа простудился в дороге и у нас провиант кончился. Люди тут не жадные, как видишь.

– Солнышко ты моё, – шептала я, обнимая Жанну и касаясь губами её головы с остриженными и покрашенными волосами, – ненаглядная... Почему меня не разбудила, одна всё взяла на себя?

– Я подумала, что тебе будет приятен сюрприз. – Жанна подвела меня к импровизированному столу и указала на один из брошенных около него мешков со своей одеждой. – Садись, мамочка, скоро суп готов будет.

Я присела на мешок, а Жанна тем временем отошла к очагу. К тому времени, когда я и Жанна наконец-то добрались до провинции Берри, от миледи Винтер – бывшей фаворитки покойного герцога Бэкингема и некогда лучшего агента Ришелье – осталось одно название. Став за полтора года собственной тенью, я докатилась до состояния своего призрака. Когда-то богатая, влиятельная, знатная дама, ныне преследуемая своим же бывшим покровителем, превратилась в обычную работницу, чья красота померкла от подённой работы и кочевой жизни. Порой мне становилось даже интересно, какова была бы реакция четвёрки мушкетёров, моего «любимого» деверя и палача из Лилля (случись последнему воскреснуть из мёртвых), встретиться им на улице нынешняя миледи Винтер. Палач, не умеющий управлять тем, что у него в штанах, и вымещающий зло от разочарования на девчонке четырнадцати лет, коверкая ей жизнь; чёртов гасконский юнец, пробирающийся обманом в чужие кровати – под чужой личной; мой ненаглядный деверь (век бы на него не глядела), пытавшийся меня отравить пять лет назад, но Жанна выбила бокал с ядовитым вином из моих рук. Да, вот им повод для ликования выпал – «мерзкая тварь миледи Винтер получила по заслугам».

Арамис бы изрёк менторским тоном, свойственным ему, нечто подобное этому: *«Вы всё ещё сомневаетесь, сударыня, что Господь наш одинаково справедлив к грешным и праведным, каждому воздая по делам его?»* Здоровяк Поргос, скорее всего, покачает головой и беззлобно скажет, хохотнув и хлопнув себя по коленям: *«Что, теперь верность в наши дни тоже наказывается, если брать во внимание Ваш пример?»*

И Атос, он же граф де Ла Фер, воспоминания о котором до сих пор отзываются острой и ноющей болью в груди...

Как посмотрит он на женщину, когда-то любимую им: с ненавистью, презрением, тёмным торжеством или удостоит лишь жалости, увидев, какой я стала теперь? Уж лучше пусть он меня ненавидит, даже в своём нынешнем положении я бы охотно предпочла его ненависть безгливой жалости.

Как поступил бы мой супруг, узнав, что я жива? Захотел бы он довершить начатое, и отправить меня на тот свет? Нет, в третий раз попытаться меня убить Атос не захочет – одним моим видом удовлетворится, посчитав, что жизнь и так со мной расквиталась.

Наверно, Оливье бы много отдал за удовольствие хоть краем глаза взглянуть на миледи Винтер (меня, то есть), вкальвывающую, как проклятая, за мизерную плату и комнатушку на чердаке. Проникнуться ко мне состраданием? Для этого надо, чтобы граф де Ла Фер ума лишился или потерял память. Неплохо бы и мне память отшибить – только так будет хотя бы один крохотный шанс, что я и Оливье не поубиваем за всё причинённое зло друг друга... Наверно, я совсем безумна, раз решила молить о помощи своего мужа, столь страстно и преданно ненавидящего меня. Но мне надо думать о Жанне, моей дочери. Будь мой муж самим Сатаной, я бы и тогда не отказалась от своего намерения искать у него защиты. Продала бы ему даже свою душу, в обмен на кров и безопасность для Жанны, если потребуется...

«Но зачем, право, графу де Ла Фер моя душа, если он всё равно не верит в её наличие?» – невольно посетила мимолётная мысль.

– Мам! – прорезал тишину хижины требовательный детский возглас, и я ощутила, придя в себя, как Жанна трясёт меня за плечо. – Мама, что с тобой? Мамочка! Я кому суп наливала?

– А? Что? Жанна... – не сразу сориентировалась я, будучи бесцеремонно вырванной из объёмных воспоминаний, счастливых и тех, которые хотелось бы навеки стереть из памяти...

– Мама, суп остынет, пока ты в облаках витаешь! – досадовала Жанна, смерив меня строгим взглядом карих глаз.

– Ах, я и правда отвлеклась. Просто задумалась, и всё, извини, – пробормотала я, принявшись за суп. Господи, как вкусно! Когда не с чужого стола – особенно. Выросла дочка у меня, что тут ещё скажешь? Красавица, умница, ласковая и добрая, искренняя, хозяйственная, похожая на меня лишь немногими чертами лица. Да уж, моя дочь полная мне противоположность. Наверно, сложись моя жизнь иначе, не исковеркай её некоторые люди, я бы тоже была такой. В моём сердце тоже не нашлось бы места коварству, зависти и лжи, злобе и ненависти... Никогда уже моей душе не быть кристально чистой; никогда не избавиться от разъедающих её пороков, подобно ржавчине, разъедающей железо... Когда-то, много лет назад, я была такая, как Жанна сейчас. Но разница между нами всегда будет ощутима. Мать Жанны я, миледи Винтер, готовая костью лечь, но делающая всё для своего единственного ребёнка, и которая никому не даст дочь в обиду. А у меня кто? Надо ли говорить, что вопрос был риторический?

«Ничего тебе, девочка, не осталось, кроме жгучего холода и скитаний».

Отголоски далеких воспоминаний об утраченном – вот что мне и дочери осталось...

Покончив с супом и молоком, я и Жанна вымыли посуду и, оседлав Марса, отвезли заимствованную кухонную утварь тому крестьянину, которому сегодня ранним утром нанесла визит моя дочь. Бережно поддерживая в седле Жанну, я неторопливо ехала верхом и морально готовила себя к той минуте, когда предстану перед очами своего супруга, не желающего звать меня

своею женой и вообще слышать обо мне. Даже зимний пейзаж, во всей его холодной и суровой красоте, не радовал моего взора. Безразлично мне было, что выпавший минувшей ночью снег накрыл вековые деревья, словно покрывалом. Безразлично было, как красиво искрится снег под лучами негреющего зимнего солнца. Ничто из этих милых глазу и сердцу мелочей меня не радовало, и мыслей моих мрачных отнюдь не рассеивало.

У первой встречной пожилой крестьянки, идущей из леса в деревню с вязанкой хвороста, я узнала, что Оливье восстановил свой замок и теперь время от времени приезжает в Берри – как позволяет служба – чтобы больше бывать в своей заново отстроенной обители. Это известие стало для меня неожиданным потрясением. Оливье в Берри, он здесь?..

«Почему бы ему и не быть здесь, если он у себя дома?» – поддел меня внутренний голос.

Значит, есть шанс, что я вновь его увижу! Вот только как он встретит меня? Не велит ли пинками гнать из его владений, тогда как я уповаю лишь на его милосердие к уничтоженной и сложившей оружие противнице? С холодным презрением, скрывая негодование, отвергнет или явит пример великодушия, протянув руку помощи, хотя никаких причин делать это у него нет? Не получится ли так, что весь путь я и Жанна проделали зря?.. Этими вопросами я задавалась, мучая саму себя, всю дорогу до замка.

С одной стороны, я хотела застать Оливье в его доме. Я предвкушала эту встречу, ждала её с радостным нетерпением, прокручивая в голове различные варианты её благоприятных исходов. А если посмотреть с другой стороны?.. Я боялась того момента, когда я и Оливье столкнёмся лицом к лицу, равно как и желала...

«Если страх заползает змеей под кожу, будь храбрее, не давай ему ранить больно».

Одна часть меня не уставала верить, что Оливье не прогонит жену с её дочерью из своих владений. Другая часть меня панически боялась судьбоносной встречи и молила Бога, только бы Оливье не было дома, только бы его не застать! Хотя бы ещё на один день отсрочить неминуемое... Но уже поздно было отступать, когда я и Жанна, наконец-то, добрались до заветной цели... Поздно уже мне отступать назад теперь, стоя на пороге его замка и стуча в массивные двери, не отпуская руки Жанны, свято веря в то, что это придаст мне сил...

Глава 3. Незваные гости

POV Жанна

К сожалению, самого владельца замка мы не застали. Как нам сказал мужчина не старше средних лет, впусивший нас, благородный граф сейчас находится в Париже. Слуге мама представилась мадам Катрин, графиней де Браве из Оверни, кузиной его господина, приехавшей со своей дочерью повидать родственника. Марса же слуги отвели в конюшню.

Замок давнего маминого знакомого, некоего графа де Ла Фер, не мог не восхитить меня строгой элегантностью, величественной красотой, лишённой малейшего намёка на помпезность и вычурность – как снаружи, так и внутри. *«Интересно, а граф де Ла Фер добрый, как мама рассказывала?»* – думала я, держа за руку маму, следуя за немногословным слугой и поднимаясь по лестнице. Если не ошибаюсь, слугу зовут Гримо.

– Да, мой кузен Оливье всегда отличался изысканным и утончённым вкусом, – заметила мама, проходя в просторную ванную комнату следом за Гримо, выразив своё мнение о родовом замке графа.

Только я прекрасно знала, что граф Оливье де Ла Фер, как зовут хозяина владений, далеко не мамин кузен и уж точно не мой дядя. Маме пришлось представиться Гримо кузиной графа де Ла Фер из Оверни, иначе бы наш визит мог повлечь за собой ненужные расспросы. Но Гримо, к счастью, удовлетворился маминым объяснением, ибо сам был не из любопытных и не словоохотливым.

– Мадам, мне помочь Вам нагреть воды? – учтиво спросил Гримо у мамы.

– Да, помощь мне действительно не помешает, – ответила мама, чуть улыбнувшись, и эта улыбка волшебным образом преобразила её худое и бледное лицо, зажгла умиротворяющим огоньком её небесно-голубые глаза с тёмными кругами от постоянных недосыпаний. Мама в последнее время нечасто улыбалась, даже крайне редко. Да и не было у неё сил и желания натянуто улыбаться. Искренней и открытой улыбкой она могла улыбаться только мне.

Эти полтора с лишним года, что я и мама изъездили едва ли не всю Францию, были очень для нас трудными и судьбы наши висели на волоске. Никакой уверенности в нашем с мамой будущем, представлявшимся мне подёрнутым туманной дымкой, и безопасности. Не было такого, чтобы я и мама прожили на одном месте спокойно хотя бы два месяца. Кардинал Ришелье не жалел средств и усилий, преследуя маму, намереваясь устранить. Хоть мне и десять лет, но я не дурочка.

Догадываюсь, что кардинал, перестав нуждаться в услугах моей мамы-агента, решил от неё избавиться любой ценой, объявив в розыск как вероломную изменницу Франции, действующую на стороне Англии. Значит, мама знает нечто очень важное, представляющее собой государственные ценные сведения... Нечто такое, что Ришелье навсегда хочет сохранить в тайне. Тогда понятно, из-за чего перевернулась с ног на голову наша с мамой привычная жизнь, и почему маму столь рьяно разыскивают кардинальские ищейки.

Видно, Ришелье твёрдо намерен устранить неудобного ему человека. Увы, эту роль первый министр Франции отвёл моей маме, служившей ему верой и правдой многие годы. Из-за преследований Ришелье маме пришлось столько вынести за эти полтора года. Ей приходилось переезжать со мной из города в город, продать все свои украшения тонкой ювелирной работы, кроме золотого медальона, и свои роскошные платья, в которых она некогда блистала на балах, украшая одним только своим присутствием любой праздник.

По милости красного герцога я и мама оказались перед лицом нищеты, из-за чего мама была вынуждена пожертвовать на парик цирюльнику свои прекрасные золотые волосы. А я так любила учиться делать маме красивые причёски...

«Ничего, вот отрастут снова у мамочки её волосы, она так просто от меня не отделается!» – случилось промелькнуть в моей голове мечтательной мысли. Свои собственные кудри мне и то не было так жаль, как мамины...

Но когда кончились последние деньги, вырученные с продажи наших волос и маминых драгоценностей с одеждой, тучи над нами сгустились сильнее. Чтобы выжить и прокормить себя и меня, маме приходилось продавать свой труд служанки в трактирах и харчевнях с гостиницами, где нам доводилось останавливаться, не зная к себе пощады и жалости. Не помню, чтобы у неё выдавалась хоть одна спокойная минута для отдыха. Работала мама как проклятая, поэтому и я делала, что могла: готовила еду, мыла посуду и полы, прибирала комнаты постояльцев, бегала по поручениям хозяев, стирала одежду и постели. За труд меня награждали обилием фруктов и сладостей, которыми я делилась с мамой. А то она, сидя на воде и хлебе с сыром, совсем исхудала и побледнела. Так вот и помогала я маме. Правда, она не догадывалась, что я беру на себя часть её работы.

Но когда в один день мама едва не свалилась от смертельной усталости, посреди кухни с недомытым полом, мне надоело помогать исподтишка. Отобрав у мамы ведро и тряпку, я довольно категорично велела ей идти отдыхать; и пригрозив тем, что рассержусь, если вдруг увижу, что она вместо сна полы скоблит на кухне. Я и не знала раньше до этого дня, что могу быть строгой. Я и мама на время поменялись ролями. С самого моего рождения мама заботилась обо мне, любила и оберегала. Всегда была для меня единственным и верным другом. Почему же мне нельзя оберегать маму и точно так же заботиться о ней, как пять лет назад, когда мне довелось выбить бокал с ядовитым вином из её рук?

Мне тогда не было и шести лет. Как-то раз я заигралась в прятки с моей няней, мисс Джейн Блейк, найдя убежище в платяном шкафу, в кабинете дяди – лорда Джорджа Винтера. Уйти не успела – дядюшка пришёл в кабинет раньше, чем даже я могла бы вылезти из шкафа. Достал бутылку бургундского и два бокала, наполнив их и всыпав в один какой-то порошок. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о назначении того порошка.

– Надеюсь, вино придётся этой суке по вкусу, – процедил он тогда сквозь зубы и вышел, вернувшись уже с мамой, и попросив её подождать в кабинете, а сам вновь куда-то удалился. Но когда мама взяла в руки тот бокал с подмешанным в него порошком, в моей голове будто сработал спусковой крючок. Не помня себя от ужаса, я выскочила из шкафа, толкнув маму столь резко и неожиданно, что она выронила бокал, и он, упав, разбился. Содержимое впитал в себя коврик. Даже сейчас при этих воспоминаниях холод пробирает. Что бы могло случиться, не спрячась я в шкафу тогда, пять лет назад?! Наученная этим случаем, мама спешно перевезла меня в Париж, вместе с няней, подальше от дяди. Купила в столице Франции особняк, в предместье Сен-Жермен. Там я и жила под присмотром слуг, няни и учителей, нанятых мамой.

***

За эти многие месяцы работы в гостиницах и тавернах с трактирами и харчевнями, между мной и мамой словно разгорелось негласное соперничество. Мама будто нарочно проявляла утроенное рвение к работе, отнимая эту самую работу у меня. Я, немного уязвлённая её поведением, старалась во всём маму превзойти.

Но теперь, когда я и мама наконец-то прибыли в Берри, во мне ожила робкая надежда, что все наши беды теперь в прошлом. Влияния этого таинственного графа де Ла Фер достаточно, наверно, чтобы защитить меня и мою маму. Его загадочная личность не могла не тревожить мой ум и не волновать воображение. Надеюсь, мы с мамой у него и останемся погостить. В поместье хорошо и красиво, ко мне добр мой новый знакомый Гримо – слуга графа. Наконец-то у меня и мамы есть шанс пожить спокойно на одном месте. Может быть, я смогу поладить с графом де Ла Фер.

Помогая маме и Гримо нагревать воду для ванны, я строила в своей голове грандиозные и радужные планы. Многие месяцы скитаний едва ли не по всей Франции позади, я с мамой в безопасности, и ничто не сломило нас, мы вместе. Вскоре вода для ванны была нагрета.

– Гримо, будьте добры, принесите чистых простыней и две рубашки, – свою просьбу мама сопровождала чуть усталой, но тёплой улыбкой, делающей её лицо не просто красивым – прекрасным. Глядя на маму – такую прекрасную и нежную, добрую и ласковую, женственную и утончённую, изящную, остроумную и в то же время негибкую, я невольно завидовала ей и во многом брала с неё пример. Да, я завидовала своей матери белой завистью, где-то в глубине души считая себя лишь её бледной тенью, как бы мама ни называла меня принцессой или красавицей, её ангелом или солнышком...

Когда я смотрела на себя в зеркало, на меня находило смутное желание разбить его на множество осколков. В нём отражалась худая и нескладная девчонка маленького роста, никак не выглядывшая на свои десять с половиной лет – на вид мне можно дать лет девять, да и то с большой натяжкой. Лицо овальной формы, прямой тонкий нос, большие карие глаза. Не люблю свой цвет глаз – было бы гораздо лучше, будь они голубыми. От мамы только природный светло-золотой цвет волос и пушистые тёмные ресницы с чуть надломленными бровями. Ну и форма губ мамина... В остальном я на неё мало похожа, что меня с раннего детства огорчало. Но, если я и не походила на маму так, как хотела бы внешне... То научусь быть столь же волевой и твёрдой, как она. Невзирая на все трудности и беды, постигшие маму, она не сдалась и не опустила рук, проявляя свою непокорность обстоятельствам, так ещё на ней была забота обо мне. Мама не жалела себя и боролась изо всех сил, чем подала мне пример. Зато теперь я точно для себя уяснила, что хочу стать негибкой и решительной, хочу быть достойной дочерью своей матери.

– Да, мадам, как будет угодно. – Поклонившись, Гримо вышел из ванной комнаты. Отсутствие его продлилось не так уж и долго, но вернулся со всем, что было нужно маме – с простынями и двумя рубашками. – Правда, мадам, они мужские, – пояснил Гримо, отдавая всё принесённое маме. – Господин живёт в замке один, женщин сторонится...

– Ничего страшного, – обронила мама бодро, махнув рукой, – мне не привыкать. Мой дорогой кузен прекрасно осведомлён, что я отдаю гораздо большее предпочтение мужской одежде, и Оливье мои странности перестали смущать ещё очень давно, потому что я практически росла на его глазах.

«Ох, мамочка, – вдруг подумала я с тревогой, ощутив, как запыхлала мои щёки, – Господи, я бы побоялась врать о таких вещах, будь на твоём месте, да и по моему выражению лица легко прочитать ложь. Не понимаю, как же ты не боишься? Только бы Гримо не заподозрил в нас самозванок и не велел выгнать из земель... Вот уж тогда я точно не буду знать, что нам делать и куда идти, кто бы временно укрыл нас от ищеек кардинала...»

– О, если благородная дама довольна, но мой хозяин и Ваш кузен по совместительству...

– ...в курсе моего приезда к нему, тем более что я с моей дочерью приехала по приглашению Оливье, – ответила мама, верно угадав вопрос Гримо. – Я и Жанна проделали долгий и трудный путь, и...

– Конечно, мадам, я Вас оставлю. – Выйдя за порог ванной комнаты, Гримо плотно прикрыл дверь.

Поснимав с себя всю одежду и сложив её на скамье, я залезла в большую ванну из белого мрамора, погрузившись в воду по самые плечи, блаженствуя от ощущения тепла и расслабленности во всём теле. Смочив мои волосы, мама принялась тщательно их мылить, смывая всю пыль и споласкивая. Всё же в коротких волосах есть свой плюс – не нужно долго мучиться с ними. Приняв ванну с дороги, в чём мне помогла мама, отмывшись от дорожной пыли с ног до головы и надев одну из принесённых чистых рубашек, висевшую на мне балахоном, я вышла из ванной комнаты, намереваясь исследовать замок. Никогда бы не подумала, что

одинокие прогулки по коридорам могут быть настолько приятным времяпровождением. Везде стоят скульптуры в духе античности и оправленные в золотые рамы картины висят на стенах. Немного досадно, что я не могу выразить своего восхищения скульпторам и художникам. Большие окна, не задёрнутые тяжёлыми занавесками, пропускают много света. Какой-то элегантно и не кричащей красотой меня поразило внутреннее убранство замка. Внезапно, когда я бродила по коридору второго этажа, мой взгляд привлекла дверь бледно-голубого цвета с серебряной ручкой.

Эх, я буду не я, если не суну сюда свой любопытный носик! Повернув ручку и потянув на себя, я обнаружила, что дверь не заперта, и поэтому я переступила порог, принявшись с интересом осматривать обстановку.

На деревянном полу постелен дорогой персидский ковёр, возле большого окна стоит письменный стол и стул; картина в позолоченной раме, изображающая штормящее море. Большой платяной шкаф для одежды и второй шкаф рядом, но предназначенный для многочисленных книг.

«Так, значит, граф де Ла Фер любит читать, что позволяет думать о нём, как очень эрудированном и разностороннем человеке, к тому же интересном собеседнике, – выстраивала я в голове некое подобие цепочки рассуждений о знакомом моей мамы, кузиной которого она представилась Гримо. – В комнате каждая вещь на своих местах. Не пыльно, из чего следует, что граф де Ла Фер человек педантичный и любит во всём порядок, что подразумевает высокий уровень самодисциплины...»

Большая кровать, аккуратно застеленная синим покрывалом и не задёрнутая балдахинном, по обе стороны от которой стоят две тумбочки – с подсвечниками на каждой, и большой камин – напротив кровати, у противоположной стены.

– Так, посмотрю, что тут можно почитать, – проговорила я, стоя у книжного шкафа, и внимательным взором оглядывая книги, стоявшие на полках. – «Диалоги» Платона, Диоген, Гомер, Тацит, Катулл, – водила я пальцем по ровному ряду книг. – Думаю, граф де Ла Фер не будет недоволен, если я что-нибудь из этих книг почитаю и потом поставлю на место, – говорила я скорее себе вполголоса, приметив том Шекспира и доставая его с полки. Удобно устроившись на кровати с книгой, я полностью ушла с головой в чтение. Читала вслух.

Мама не раз говорила, что мне надо работать над дикцией. Совмещу приятное с полезным. Как раз у Шекспира мне больше всего «Ромео и Джульетта» нравится. То, что книга не переведена на французский язык, меня не очень-то и смутило: родной английский я помнила хорошо.

Здесь меня и нашёл Гримо, видимо, услышав мой голос из-за двери комнаты своего господина. Даже тарелку куриных котлет и стакан горячего молока с мёдом мне принёс, и свежеспечённые пирожки с ягодным вареньем, согласившись послушать сцену, где синьора Капулетти и кормилица говорили с Джульеттой о планах на её будущее. Раз Гримо здесь, почему бы ему и не побыть слушателем? Старалась читать так, чтобы не глотать звуки и с выражением, делая логические ударения и меняя голос, в зависимости от того, чью реплику я читала.

– Мадемуазель Жанна, читали вы по ролям очень хорошо, хоть я и не столь учён, чтобы об этом судить, да и английского не знаю, – похвалил меня слуга графа, – но могу я теперь унести пустую тарелку и стакан?

– О, конечно. Спасибо, котлеты, пирожки и молоко были очень вкусные, – поблагодарила я Гримо. – Одна маленькая просьба...

– Какая же, мадемуазель Жанна?

– Если увидите мою маму, передайте ей, пожалуйста, чтобы она сюда ко мне пришла.

– Обязательно сделаю это для вас.

Гримо, забрав поднос с тарелкой и стаканом, вышел из комнаты и закрыл дверь, а я и дальше продолжила читать вслух «Ромео и Джульетту». Помимо тех книг в шкафу графа де

Ла Фер, на которые я обратила внимание в первую очередь, было много и других книг: о географии и медицине, алхимии, астрономии и физике, философии, истории, кораблестроении... путевые дневниковые записки первооткрывателей, об искусстве и на военную тематику, собрания сочинений многих когда-либо живших поэтов. Античная литература и литература Средних веков составляли лишь малую часть богатой библиотеки хозяина владений. Что-то подсказывало мне, что книг у графа де Ла Фер гораздо больше и где-то в замке есть богатая семейная библиотека, которую мне ещё предстоит найти. Надеюсь, граф разрешит позаимствовать приглянувшиеся мне книги. А пока, в ожидании мамы, я коротала время за чтением Шекспира и заучивала наизусть монологи, тренируя память.

Глава 4. Граф де Ла Фер у себя дома

POV Атос

Отпуск на добрых три недели – прекрасная вещь. Есть время побыть наедине с самим собой, со своими мыслями, когда компанию тебе составляют лишь книги, дарящие временное забытие. Целых три недели наедине с самим собой, не считая Гримо и прочих слуг, следящих за порядком в замке. Как же давно я не бывал в своей библиотеке, собранной когда-то моими предками и восстановленной, как и мой фамильный замок... Выпавшей возможности заново отстроить после пожара, случившегося много лет назад и устроенного мною же, замок Ла Фер я обязан милости Его Величества Людовика XIII, пожелавшего наградить меня за преданную службу, как и моих друзей, тоже не обделённых милостью монарха. Всё же у короля есть шансы войти в историю как Луи Справедливый...

Трёхнедельный отпуск. Хоть ненадолго можно сбежать от опутавшей меня паутины тусклой, унылой и затягивающей, подобно болоту, действительности.

Вернуться, пусть и мысленно, в те времена, когда жизнь казалось мне великолепной, а настоящее счастье не выглядело мифом. Вернуться хоть ненадолго домой, в родные места, когда-то покинутые. Вновь окунуться в воспоминания счастливого прошлого, когда я ещё звался графом Оливье де Ла Фер и не знал этой ведьмы Анны де Бэйль, она же миледи Винтер или Шарлотта Баксон, баронесса Шеффилд, леди Кларик, графиня де Ла Фер – в своём первом замужестве со мной. Столько имён и титулов, как она сама не запуталась, ещё живя на этом свете? Больше года прошло с того дня, когда Анна была обезглавлена в городке Армантьер, на реке Лис.

– Бесславная жизнь достойна только бесславного финала, – как-то раз произнёс Д'Артаньян за ужином в «Красной голубятне», спустя месяц после взятия Ла-Рошели. Обезглавленное тело Анны, наверно, давно покоится на дне грязного и мутного водоёма... Смерть от руки палача – тот самый бесславный конец, который она заслужила и сама навлекла на себя.

Миледи заслужила эту кончину... Заслужила... Вот только почему в последнее время я не могу выкинуть её из головы? Что-то угнетает меня при мысли о ней, как будто мраморная могильная плита постепенно опускается на сердце и давит своей гнетущей тяжестью. Почему мне никак не отделаться от этого ощущения? Ведь мы поступили правильно: леди Винтер – преступница и падшая женщина, рано или поздно она должна была быть казнена. Вот только понимание этого ничего не меняет – это чувство, которому название я дать пока не могу, продолжает тяготить меня и отравлять существование.

С того самого дня, когда была казнена моя жена, даже еда и вино потеряли для меня вкус, и всё многообразие красок этого мира померкло. Мне казалось, что меч палача избавит меня навсегда от этой женщины, но я жестоко ошибался, ведь не так-то просто позабыть и вырвать из сердца ту, кто была тебе женой, кого ты любил... И кого ты сам же уничтожил, чтобы это напоминание о твоей не-безупречности больше не отравляло взора. Позорное пятно с родового герба оказалось проще вырезать навсегда, чем смыть. Художник без сожалений бросает в пылающую печь свою откровенно бездарную картину. Увидев своё уродство в зеркале, это самое зеркало стремишься разбить на множество мелких осколков, истолочь всё в порошок. Вернувшийся себе свой титул граф Оливье де Ла Фер, называемый также благородным Атосом, и дважды убивший свою жену, хоть и свершалось это второе убийство не моими руками... Воплощение чести, благородства и порядочности в глазах многих... Не потому ли убил я миледи, что она была истинным моим зеркалом: совершенно не тем, в которое я смотрюсь по утрам? Моим настоящим зеркалом, отражающим порождение моего поступка на той июльской охоте...

Всю дорогу до моих владений сомнительная мысль терзала меня, не оставляя в покое ни на минуту, словно преследуя... А вдруг она такой стала из-за меня? Ведь тогда, много лет

назад, я повесил её, ни в чем не разобравшись... Нет, что за мысли?! Я своими глазами видел метку воровки на её плече! Раз заклеямена, значит, преступница!

«А вдруг её клеймили без суда? – раздался в моих мыслях голос совести. – Так, как поступил ты, повесив её?» Но я верю в справедливость французского правосудия...

«Справедливость? Не смеши. Нынче всё продается и покупается, а уже тем более это успешнее извратить правосудие, от которого одно название и осталось! Ты повесил её, ни в чём не разобравшись, а потом ещё и казнил её за то зло, что она совершила из-за тебя! – ответила мне совесть. – Кто после этого преступник?!»

Чёрт подери, да как эта совесть может утверждать, что Анна озлобилась из-за меня, если неизвестно, что творилось в её душе до того, как я повесил её?! Возможно, она лишь прикидывалась невинным ангелом, а у самой душа чернее грязи под ногами бродяг!

«Чернее грязи? – отозвался мой малоприятный невидимый собеседник. — А ты вспомни, как светились счастьем её глаза... Если её и клеймили справедливо, то я уверена: она хотела жить иначе». Голос совести затих, а я замер, обескураженный внезапным осознанием произошедшего. Выходит, что я совсем не жертва... А палач! Анна умерла из-за меня! А ведь я так её любил!..

И люблю до сих пор. Внезапно я понял это, от чего мне стало хуже в разы. Я предал её, совершил чудовищный поступок! Как я мог?! Предал свою любовь...

И ведь ничего уже исправить нельзя...

«Анна, прости! Господи, я бы всё отдал, только бы повернуть вспять неумолимое время и вернуться в прошлое, чтобы никогда не совершать того жестокого и несправедливого поступка, погубившего Анну де Бэйль и породившего леди Винтер...» – так я думал всю дорогу до своего замка, не глядя по сторонам и оставаясь абсолютно равнодушным к великолепию зимнего пейзажа. Не радовал он больше моего взора, как когда-то, в детстве и юности.

Жизнь потеряла всю остроту и красоту для меня в день той злосчастной июльской охоты много лет назад, со дня казни Анны эта жизнь стала для меня омерзительной. Облегчения от бремени, которое я надеялся наконец-то обрести после смерти Миледи, не наступило. Теперь в груди словно образовалась зияющая выжженная дыра, не перестающая кровоточить и по сей день.

Напрасно я думал, что, свершив возмездие в отношении своей преступной жены, смогу отделаться от неё. Мёртвой эта женщина была даже в тысячу раз страшнее, чем когда она дышала одним со мной воздухом и поднимала глаза к голубому небу над нашими головами, щурилась от слишком яркого солнца... Теперь, когда Анна кормит собою рыб в реке, над ней больше не имеют никакой власти старость, болезни, нищета и смерть. Ничего из этого теперь ей не страшно. Даже мёртвая, она мстит мне, врезавшись навечно в память такой, какой я видел Анну в последнюю ночь её жизни: молодой и прекрасной женщиной, чьи светло-золотые волосы в беспорядке ниспадают ниже талии и голубые глаза взирают с дерзостью и отчаянной мольбой; женщиной, опасной в своей притягательности. Но это не очень-то ей помогло, когда палач буквально тащил её со связанными руками вглубь леса. И никак мне от её образа, терзающего меня, не избавиться. Я видел её черты в лице каждой встречной женщины и девушки. Особенно в блондинках. Анна никогда меня не оставляла в покое, преследуя как призрак или моя тень, став моим наваждением. Она стала самым верным плодом моего воспалённого сознания, часто являясь в кошмарных снах или после шестого бокала бургундского, дающего хотя бы временное забвение. Моё нынешнее существование полноценной жизнью никак нельзя было назвать.

Я не чувствовал себя человеком. Скорее куклой, которой управляет некто невидимый, дёргая за нити. Словно этот незримый кукловод получал какое-то злое удовольствие, наблюдая за мной оттуда, куда я стремился попасть как можно раньше. Пьяная драка в трактире, дуэль с гвардейцами его Высокопреосвященства – не всё ли равно, как уходит из жизни, если смерть

избавит меня от вечного осязаемого и незримого присутствия моей жены? Я слепо надеялся и верил, что смерть освободит меня от власти этой женщины, но и облачённый в тёмный балахон жнец оставался глух к моим мольбам.

Помню, на следующую ночь после казни Анны я так надрался в первом же попавшемся трактире, что заядлый пропойца в сравнении со мной выглядел бы образцом трезвости.

Бурная пьянка принесла мне лишь временное облегчение, напомнив о себе мучительным утренним похмельем. В пьяном состоянии я меньше ощущал сжирающую меня изнутри пустоту и презрение к жизни. На пьяную голову мне являлась Анна... Из таверны мои друзья вынесли меня на заре, бесчувственного и плачущего, как дитя. В пьяном бреду я шептал имя своей жены, но столь бессвязно, что это походило скорее на невнятное бормотание.

Возможно, не повесь я её тогда, десять с половиной лет назад, и постарайся её понять, выслушать, поддержать... Наверно, не было бы всего этого? У меня была бы семья и даже дети, была бы Анна... Мы бы смогли быть счастливы вдвоём. Конечно, пришлось бы преодолевать многое: пропасть лжи, непонимания и недоверия, гордыни... Вместе мы бы справились... Справились бы, но я своими руками убил то, что могло быть, повесив на дереве свою жену и подготовив её гибель в Армантьере.

Многое могло сложиться по-иному, не пожертвуй я тогда Анной, выбирая между любовью и честью. Не пришлось бы бросать родовое имение, отказываться от титула и уходить в мушкетёры проливать свою кровь, топить в вине свой единственный, ничем не смываемый грех... Жестокость – сила разрушающая, неспособная породить ничего более, кроме себе подобного. Тьма не рождает света, добро не рождается из зла. Ненависть не в силах уничтожить ненависть, насилие умножает насилие, как и грубость не исчерпывается грубостью большей. Запятнанная кровью жены родовая честь не обнимет нежно за плечи, подойдя сзади. Не прильнёт с трогательной безотчётной доверчивостью, не прикоснётся к моим губам своими, не согреет в холода и одинокими ночами. Наличие на её плече лилии можно было умело скрывать. Встретить Анна живое участие и понимание тогда, возможно, не родилась бы и Миледи, на её руках не было бы чужой крови. Анна лишь старалась соответствовать моим ожиданиям. Я обвинил её в воровстве, даже не став разбираться – лишь увидев эту чёртову лилию? Она этому научилась, если вспомнить об украденных ею на балу подвесках королевы у Бэкингема. Её считали убийцей? Она сделала всё, чтобы хоть не зря считали. То дурное, что в ней стремились разглядеть, она сама взрастила и взлелеяла в себе.

Харчевня «Красная голубятня», где я отобрал у неё угрозами охранную грамоту, выданную кардиналом. У меня был тогда шанс поговорить с ней, постараться найти общий язык и прийти к пониманию, протянуть руку. Предложить и оказать ей помощь, если она её не отвергнет, расставить все точки над «i». Расспросить её о том, как же Анна получила эту лилию, и выслушать, что надо было сделать в день той злополучной охоты. Но я не сделал этого. Вместо поддержки – дуло к виску.

Забрать бумагу – и окончен разговор.

Осуждать, выбросить на свалку и выказать своё презрение всегда проще, чем помочь. Таково большинство из нас, живущих в этом мире, увы, не исключая меня. Падающего подтолкни, лежачего без сил – добей окончательно. Миледи стала моим вечным порочным укором, моей мукой и проклятием, моей болью и живым плевком в лицо. Мой камень, отягощающий душу, и грех, не смываемый даже кровью.

«Взгляните на меня, Оливье, блистательный граф де Ла Фер, благородный Атос! Смотрите на меня, не отворачивайтесь и не прячьте взгляда, смотрите! Я ненавижу Вас, внушаю жгучее отвращение, презрение и брезгливость? Вызываю в Вас страстное желание меня придушить, как давным-давно вызывала в Вас то же непреодолимое желание мною обладать? Взгляните в мои холодные голубые глаза, в которых отныне вечный лёд, и лишь слёзы в них не замерзают, как замёрзли навечно сердце и душа. Взгляните на мои руки, мой супруг, чьей

белизной и нежностью Вы так восхищались в своё время. Возьмите мою ладонь в свою, только посмотрите на мои тонкие длинные пальцы, которые когда-то сжимали Ваши плечи в порывах страстного исступления долгими ночами... Смотрите на мои руки внимательнее, граф. Видите, они по локоть в крови тех, кто стоял на моём пути? Можете ли Вы представить, что эти руки когда-то сжимали батистовые платки, а не рукоять кинжала? Имейте смелость взглянуть мне в лицо, предатель: не старайтесь отыскать в знакомых ранее чертах что-то родное и близкое, ибо найдёте лишь следы многочисленных пороков, отметивших своей печатью мой некогда светлый и дивный лик. Очертите пальцем мои губы, тронутые порочной и сладострастной улыбкой, обнажающей зубы, которые мне так и хочется вонзить Вам в шею... Я внушаю Вам ужас и отвращение, граф де Ла Фер, господин Убийца и Палач? Для Вас я лишь демон, посланный в этот мир? Распутница, лгунья, убийца и вероломная дрянь, плутовка и мошенница, законченная интриганка, шпионка и ведьма, заслуживающая лишь костра или пеньковой верёвки? Смотрите на меня, мой супруг, поклявшийся у алтаря никогда не бросать и защищать, быть со мной в горе и в радости, в здравии и в болезни, пока смерть не разлучит... Давайте, уничтожьте меня, сотрите с лица земли, бейте, рубите, вешайте, сжигайте! Избавьтесь навсегда от столь ненавистного Вам творения Ваших рук!»

Весь облик миледи говорил об этом красноречивее любых слов, она сама была мне обвинением в свершённой десять с половиной лет назад несправедливости и жестокости. Всё в ней кричало об этом, и она не стеснялась демонстрировать это с каким-то изошрённым и подчёркнутым бесстыдством. Я вновь отринул её от себя только за то, что она была моим живым зеркалом, отражающим в своей глади последствия моего преступления. Анна была зеркалом, которое у меня тянулось руки разбить, выбросить, уничтожить.

Озлобленная, мстительная и лживая, способная поступиться чем угодно ради достижения своих самых низких целей, и вероломная, расчётливая интриганка с холодным сердцем и умом, насквозь пропитанная ядом, ненавидящая и ненавидимая... Растоптанная, униженная, смешанная с грязью и потерявшая веру, не встретившая отклика и понимания ни в ком, отверженная, изломанная и оскорблённая в своих лучших чувствах, и преданная тем, кто обещал никогда не предавать... Когда-то я ненавидел её, но время сгладило острые углы, и с его течением в моём понимании сложился совершенно другой образ покойной супруги. Постоянству, с которым Анна являлась мне в кошмарных сновидениях, можно было только позавидовать. Каждый раз, закрывая глаза и проваливаясь в сон, я видел одно и то же. Я видел Анну с кровавым следом от верёвки на шее и остекленевшими голубыми глазами, когда-то ясными и с горящим в них огнём... Видел во сне, как Анна, подойдя ко мне сзади, обнимает меня за плечи своими похудевшими руками, сквозь тонкую пепельно-бледную кожу видны голубые прожилки вен. Её руки всё плотнее сжимаются кольцом, а с них стекает ручьями кровь тех несчастных безумцев, кто осмелился стоять на её пути... Крепко в своём сне я сжимал своими руками ледяные руки убиенной супруги, тщетно растирая их, желая согреть. Но вскрик ужаса застывал в горле холодным комом, когда ручьи крови стекали с моих собственных рук. Кровь Анны, пролитая палачом в Армантьере... А потом я просыпался, резко вскрикивая и подскакивая на кровати. Долго после сновидений ещё приходил в себя и смотрел на свои руки, на которых мне чудилась кровь моей жены.

Довершало мучения то, что ищейки Ришелье – по его приказу больше полутора лет разыскивали леди Винтер по всей Франции. Они метались как помешанные, обещая за её поимку или голову тридцать пистолей. Точно все дружно с ума сошли, а я думал, только оспой от одного к другому заразиться можно... Раз их желание найти миледи так велико, пусть ищут её на дне реки Лис, где покоится, должно быть, полуистлевшее тело этой женщины, если его останки ещё не вымыло течениями. Правда, в это время года речная вода очень холодная, да и лёд её мог сковать. Что ж, лом и топоры им в руки, в таком случае. Даже если бы Анна спаслась каким-то чудом или происками самого Дьявола, обещание за её поимку или за её голову

награды – тридцати золотых, вызывает самые омерзительные ассоциации в памяти. Почему бы им просто не оставить Анну в покое, сколько можно мешать ей мирно лежать на дне реки? Сколько можно перемывать её потемневшие и сгнившие от времени кости? Мешала им Анна, лёжа на дне своей водной могилы, где обрела последнее пристанище?.. Порой я всё хуже понимал образ мышления сильных мира сего...

***

Проезжая верхом по своим владениям, я не спешил добраться до замка, поскольку ничего нового мне эти три недели дома не обещали. Лишь редкое общество слуг, включая Гримо, да книги в библиотеке и бургундское в погребке. Конные и пешие прогулки по Берри, успевшие стать постылыми. Одни и те же стены с потолками над головой и полом под ногами. Одни и те же пейзажи, когда-то любимые мною в детстве и юности. А ведь могло быть всё по-другому, не будь я так скор на вынесение приговоров. Не повесь я тогда свою погибшую более полутора лет назад жену, возможно, жизнь моя могла быть иной? Совершенно не тем жалким подобием, которое я влачу день за днём, ища смерти в дуэлях с кардиналистами и пьяных трактирных драках.

Но то доброе и светлое, что могло быть у меня, я сам же и уничтожил... Вздёрнул на суку первого попавшегося дерева...

Глава 5. Перед лицом грядущего

«Ты бежишь, примеряя чужие лица, Как волчонок, затравленный злыми псами.

Ты хотела быть сильной, большой волчицей, так учишь понемногу владеть клыками».

«Между жизнью и смертью покров так тонок... Ты лишь тень, но о прошлом ты не забыла.

Повторяй же молитву свою, волчонок. Ты судья им, ты их приговорила». ©Валар Моргулис. Айрэ и Саруман

Ров. Миледи

В то, что долгие месяцы бегства для меня и моего ребёнка остались позади, верилось с трудом. Я никак не могла привыкнуть к тому, что могу отдохнуть и отрешиться от всех своих забот. Хоть ненадолго окунуться в привычное подобие нормальной жизни: без работы на постоянных дворах до изнеможения, без скитаний по всей Франции и полуголодного существования, когда никто не преследует и не обещает тридцать пистолей – за мою поимку или мою голову. Наконец-то я и моя дочь оказались в человеческих условиях, а не мёрзнем в ледяной комнатухе на чердаке – за неимением дров – дрожа от холода и кутаясь в одеяло, крепко прижимаясь друг к другу, чтобы согреться.

Конечно, я бы могла оставить Жанну в приюте или в монастыре, но я мать! Мать, а Жанна – мой ребёнок, причём единственный, часть меня самой, и самый дорогой для меня человек! Пусть я убийца, распутница, предательница и лгунья, интриганка до мозга костей, отравительница, но я не кукушка! Прекрасно зная о том, какие порядки царят в монастырях и приютах, я никогда не стану обрекать своего ребёнка на жизнь, знакомую мне самой не понаслышке.

Чёрт со мной, моя собственная жизнь уже и без того искалечена и разорвана в клочья, но моя дочь не пройдёт мой путь – костыми лягу, но всё сделаю, чтобы уберечь её от этого. Она не пойдёт по моей дороге: как мать, я этого не допущу, только повторения ею моей судьбы мне не хватало! Да, мой путь последние восемь лет был усеян трупами, по которым я научилась упорно идти к своей цели, проливая кровь даже тех, кто ни в чём не был предо мной виноват – но стоял на пути у Ришелье. Признаю, я вероломна и порочна, во мне мало чего осталось искреннего и светлого, за что меня можно любить. Мало во мне не запятнанного. Быть может, я не достойна того, чтобы меня любили, не достойна счастья?.. Но справедливо ли, когда кто-то один рождён для радостной и безоблачной жизни, а кто-то другой лишь для скорби и страданий?

Не отрицаю, я убийца и предательница, но вот кем я никогда не была и не стану – так это чёрствой и бессердечной матерью, равнодушной к судьбе своего ребёнка, в глазах которого я всегда буду казаться лучше, чем есть на самом деле! По отношению к моей девочке это было бы предательством – бросить её одну, среди чужих людей и в чуждом ей месте; лишив её материнской любви и ласки, заботы, тепла... в которых Жанна ещё так сильно нуждается, ведь она совсем дитя, невинное в прежних дурных деяниях её матери! Может я и предавала тех, кому втиралась в доверие и потом обрекала на гибель, но ни за какие коврижки я не предаю своего ребёнка – доброе, искреннее и чистое создание, которое любит меня уже потому, что я дала ему жизнь, и которое во всём лучше меня. Предать Жанну и отречься от неё для меня значило предать и отречься от самой себя. Да уж лучше подвергнуться всевозможным пыткам!

За эти долгие месяцы странствий она многое вынесла на своих детских хрупких плечиках, не для десятилетнего ребёнка такая тяжесть, но Жанна явила собой пример небывалой стойкости и несгибаемости, которой бы позавидовал взрослый человек. Я не сетовала при

ребёнке на то, как тяжело мне приходится, но моя дочь своим примером заставляла меня взять себя в руки и не сдаваться, мысли о её благе давали мне силы продолжать эту нелёгкую борьбу за наше выживание.

Порой меня одолевало чувство, что я устала бороться с судьбой и принимать от неё одни удары. Устала пытаться и дальше, после несчётных падений, подняться выше и получать за это в наказание удары куда более жестокие, до крови и переломов. Иногда мне хотелось просто лечь спать и больше никогда не просыпаться. На меня находило смутное желание умереть во сне. Но стоило мне подумать о моей дочери, которая мужественно делила тяготы и невзгоды со мной, я гневно отметала мысли, навеянные унынием – справедливо причисленным к одним из самых смертных грехов. Раз моя дочь не сдаётся и не опускает рук, у меня тем более нет на это никакого права. Я не имею права умирать, вот устрою лучшим образом судьбу моего ребёнка – другое дело, а пока ни в коем случае нельзя. Нельзя сдаваться, когда в тебя верят самые родные люди.

В тот день – до того, как я стала наёмной работницей за еду и комнатку на чердаке, – когда растаяли безвозвратно деньги, вырученные за мою одежду и наши с дочерью волосы, я была в таком глубоком отчаянии, что крамольная мысль – продавать своё тело любому, кто хорошо заплатит – сама собой закралась в мою голову. Но потом я взяла себя в руки, встретившись своим потухшим взглядом с ясным взглядом карих глаз Жанны, с безграничной доверчивостью и нежностью смотрящей на меня, как на святую с церковных фресок, на которую я была совсем не похожа. Как бы я смотрела в глаза своему ребёнку, опорочь все его представления обо мне, если бы запятнала в глазах Жанны образ её матери – всегда безгрешной для любящего сердца девочки? Она бы меня простила, но простила бы я сама себя, если бы ей пришлось увидеть меня среди всей этой грязи и разврата? Смогла бы я выдержать её взгляд с застывшей немой скорбью и болезненной нежностью с состраданием, без тени упрека, но угнетённый и виноватый? Знаю, опустись я до ремесла дам полусвета, Жанна не отвернулась бы от меня с презрительным негодованием и брезгливостью. Вот только горечь понимания того, что её мать ради куска хлеба для нас обеих пустилась во все тяжкие, отравит ей душу и сердце, а я не хотела заставлять страдать своего ребёнка. Для своих десяти лет она уже очень много понимает, даже слишком много... Жанна – единственный человек, которого мне страшно разочаровать, подвести, причинить боль. У меня ещё оставались гордость и чувство собственного женского достоинства. Это и удержало меня от падения в пропасть, из которой бы мне потом было очень непросто выбраться. И без этого в моей жизни грязи и мерзости предостаточно.

Ну, уж нет, этого от меня никто не дожждётся! Не собираюсь я становиться подстилкой, уж лучше прислужой в трактире – в сравнении с занятием проституцией, быть поломойкой и кухаркой не так унижительно, а из двух зол обычно выбирают меньшее. Я – миледи Винтер, из тех женщин, которые не сдаются и не рыдают из-за сломанных ногтей, проданных волос, утраченного богатства, померкнувшей красоты и огрубевших от тяжёлой работы рук. Уж тем более такие женщины как я слишком самолюбивы и горды, чтобы торговать своим телом на каждом углу и обслуживать любого, кто пожелает купить услуги публичной девки на одну ночь.

«Любое препятствие преодолевается настойчивостью». – Слова Леонардо да Винчи, часто приходившие мне на ум в минуты слабости и отчаяния, и которых я, стиснув зубы, придерживалась.

Несмотря на закалившие и всё равно не ожесточившие её трудности, моя дочь по-прежнему оставалась той Жанной, которой я нужна. Такая нежная, доверчивая, и потому уязвимая, что внушало мне страх за мою дочь, не имеющую той «брони», которой обросла в своё время я сама... Боже, если ты всё же внимаешь молитвам даже таких закосневших грешниц, как я, убереги мою дочь от горечи и боли разочарований, пусть хоть она не будет избита жизнью подобно мне! Не ради меня, Господи, ради неё, а на меня можешь дальше плевать с небесных высот, привыкла уже с десятилетнего возраста... Молю, позволь мне только дожить до того дня, когда

Жанна вырастет и у неё появится своя семья... Тогда мне даже умирать будет не страшно, зная, что моя дочь счастлива – это послужит мне лучшим утешением, когда Ты призовёшь меня к себе и заставишь держать ответ за все мои преступления, обрекая на вечное пребывание в Девятом кругу Ада.

Я ведь не прошу о многом – только дать возможность вырастить мою дочь счастливым ребёнком, ибо самый лучший способ воспитать детей хорошими – просто сделать их детство счастливым и радостным. Дать Жанне всё то, чего сама была лишена в её возрасте, оберегать её сердце от невзгод, но не потакать бездумно её желаниям. Выстраивать с ней отношения не по принципу «Владелец-вещь», а быть ей матерью и другом. Жанна росла очень тихим и робким ребёнком, сильно стеснялась, и ей было трудно сходить с другими детьми.

Она не чувствовала себя уверенно в компании своих сверстников, предпочитая им общество её няни Джейн Блейк и самой меня. Я многие годы была Жанне верным и единственным другом, не только её матерью.

Меня она делала поверенной всего того, что тревожило пылливый ум девочки, недетский для ребёнка её возраста. У меня искала она утешения и поддержки, когда ей было грустно. У неё в целом мире нет никого, кроме меня, а у меня – никого, кроме неё...

Я точно не знала, от моего английского супруга лорда Винтера или от графа де Ла Фер Жанна рождена мною на свет, мне до этого не было никакого дела. Жанна моя дочь – этим всё сказано, и за неё я бы голыми руками вцепилась в горло хоть самому Дьяволу, посмей даже он к ней сунуться. Наверно, моя любовь к дочери граничит с одержимостью, но ведь она – единственное по-настоящему дорогое, что у меня есть и составляет мою жизнь, и я буду всегда заботиться о ней, даже находясь одной ногой в могиле. До сих пор для меня остаётся загадкой, как у такой испорченной и негодной женщины растёт такая прекрасная дочь, ставшая единственным лучом света в сгустившейся надо мной тьме. Как в ней развились те самые лучшие человеческие качества, которых нет у меня? Как много бы я отдала, чтобы этот лучик никогда не потускнел и не угас...

Ах, я и забылась, в глазах многих, кто меня ненавидит, у леди Винтер не может быть слабых мест. Этой жестокой и холодной женщине, этой новой леди Макбет и Дьяволу во плоти, неведомы человеческие чувства. В их понимании эта омерзительная дрянь никого не может любить искренне и до полного самозабвения, для неё не может быть ничего святого. Адова посланница в дивном обличье недостойна и этого.

Откуда им знать, что я не испытываю тех же чувств, как и они? Что я не ощущаю боли и никого не могу любить, что для меня не существует ничего святого? Удосужься они заглянуть мне в душу, их бы постигло жестокое разочарование.

У меня, оказывается, есть чувства и сердце, которое умеет биться и обливаться кровью, когда его железным раскалённым обручем сжимают страх за будущее моего ребёнка и сомнения, суждено ли хотя бы Жанне вырасти счастливой. У меня всё же есть душа, наличие которой многими отрицается!

В том, что душа у меня всё-таки есть, я убеждаюсь каждый раз, когда мне туда плюнут. Даже у такой женщины как я, есть то, чем она дорожит больше всего на свете и свято чтит. У меня есть только одно слабое место – Жанна, не станет её – умру и я. Да что они обо мне знают, кроме того, что ничего не знают, – тем не менее, с непоколебимой уверенностью заявляя, будто видят меня насквозь?..

Позади все эти долгие месяцы переездов из города в город, и довлеющих над нами опасений попасть в руки моего бывшего покровителя, решившего уничтожить меня, чего бы ему это ни стоило. Я столько лет была самозабвенно преданна Его Высокопреосвященству, столько устранила с дороги, марая руки в крови и грязи, чтобы он мог проводить без всяких помех свою политику в интересах Франции. Столько лет отдано службе человеку, который попросту пользовался мной для достижения своих целей, и от осознания этого меня грызло изнутри омерзе-

ние и горькое разочарование. Так постыло и гадко, склизко на душе... Неужели за всё сделанное мною по приказу Ришелье, я не удостоилась даже сотой части его доверия, что он всерьёз вознамерился меня уничтожить, дабы не создавала угрозы для положения первого министра Франции?! Нормально взять с меня слово не разглашать государственных тайн мы не можем. Да если бы он потребовал, я бы заверила своей подписью и печатью сотни подписок о неразглашении. Неужели была необходимость в том, чтобы травить меня, будто лисицу в пору охотничьего сезона?..

Чёрт бы их всех побрал, я просто хотела жить себе тихо и спокойно, оставив в прошлом былые тревожения, и растить своего ребёнка! Я хотела забвения! Использовали в своих целях и вытерли об меня ноги – ещё кое-как смогла бы это пережить, так хоть не мешайте выживать, если уж выбросили меня подобно старому хламу, когда я перестала быть вам нужной, Ваше Высокопреосвященство! Я отдавала должное Ришелье, как талантливому премьер-министру и хитроумному политику, покровителю искусства и науки, радеющего за объединение Франции, но как человек он много потерял в моих глазах, что его никогда не будет волновать. Кто я такая, чтобы сам кардинал и первый министр переживал из-за ненависти к нему какой-то преследуемой женщины? Кому какое дело до выброшенной куклы, которой сильные мира сего наигрались, и которая перестала быть им нужной после того, как потерпела неудачу – что в их глазах непростительно?

Подумать только: покорная приказу кардинала, я убрала с дороги Бэкингема руками Джона Фельтона, обманув доверчивого и набожного протестанта. Следуя приказу Ришелье и желая отомстить Д'Артаньяну за его подлость, я отравила ни в чём предо мной невиновную Констанцию Бонасье, пособницу королевы в её шашнях с Бэкингом. Да, Констанция помогала королеве бесчестить себя и венценосного супруга, бесчестить французскую корону, но не убивать же её было за это!

Может было бы лучше тогда её переманить на свою сторону, обрисовав не самые радужные перспективы для тех, кто бездумно выполняет любую прихоть государыни?

Быть может, мне следовало в присутствии Констанции изобличить гасконца в его измене ей со мной, заодно и раскрыть всем глаза на истинную личность моего мужа и причину, по которой он ушёл в мушкетёры? Задание было бы окончательно провалено, но зато маски графа де Ла Фер и его юного пройдохи-друга оказались бы сорваны и сброшены мною наземь. Но в поздних бесплодных сожалениях нет толку. Констанцию и Фельтона это к жизни не вернёт, а они были единственными из моих жертв, чья участь теперь стала мне горька.

Наверно, знай в ту пору, что за многолетнюю верную службу первому министру Франции получу в награду предательство и преследования, я бы... Не знаю, не знаю, что бы тогда сделала...

Я уже ни в чём не уверена, всё так зыбко и утекает подобно песку сквозь пальцы! Не грень с неба гром на мою голову, я бы так и не очнулась, продолжая принимать за чистую монету сны и миражи. Не взглянула бы на прожитые мною годы совершенно другими глазами. Больше полутора лет назад я однажды заснула знатной дамой, но проснулась уже разыскиваемой преступницей, обвиняемой в государственной измене, и лишённой всего своего богатства. Меня обвиняли в измене тому самому государству, где я родилась. Государству, службе на благо которого я отдалась со всем жаром, получая за это немалые деньги, позволяющие безбедно жить мне и моей дочери.

С трудом избежав гибели от рук моих врагов, я теперь выше ценила свою жизнь. Та жалкая пародия на суд в Армантьере навсегда отвратила меня от того, чтобы плести интриги и вмешиваться в политику. Спасибо, мне с лихвой хватило! Мне всё же дорога моя жизнь, в которой было не очень-то много светлых и радостных дней, так что позвольте мне побеспокоиться о её сохранности. Вот тебе и благодарность великих умов и политиков мира сего за всё, сделанное мной: пока я была нужна для выполнения самых грязных поручений, чтобы

этой грязью не пачкал белые руки Его Высокопреосвященство, у меня было многое. Я владела обширными землями, у меня были деньги и положение в обществе, связи. Да, я была знатна и богата, в моих руках была власть, при дворе обеих держав у меня были влиятельные знакомые. Я вращалась в самых высших кругах Англии и Франции, устраняла с дороги неугодных кардиналу людей, которые могли помешать его амбициям и интересам родной страны. Способы устранения неугодных людей я выбирала самые разные: обман, подкуп, поддельные бумаги, отравление, наёмные убийцы, клевета. Но самыми излюбленными из них, что греха таить и с лицемерной стыдливостью отводить в сторону глаза, были кинжал и яд. Временами, когда у меня не получалось найти подходящего человека на роль исполнителя заказного убийства, я брала дело в свои руки, обольщая жертву и нанося ей смертельный удар, как случилось с заклеившим меня много лет назад палачом. Ха, идиот наивный! Если я отказалась делить с ним постель тринадцать лет назад, за что он и впечатал мне лилию, с чего этот изверг взял, что я ему отдамся в обмен на своё освобождение? Одно слово: глупец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.